

«ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ИСКУПИТЕЛЬ»: СВОД ПРИЕМОВ ЛЕГИТИМАЦИИ БЕССМЫСЛИЦЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ¹.

Статья посвящена кризису гуманитарного знания, демонстрирующего глубочайшее истощение классических представлений об объективной истине. состояние Указанный кризис возник вследствие как намеренного, так и неререфлексивного увлечения т.н. неклассическими формами рациональности, спекулятивными теоретико-познавательными концепциями и скрытыми формами антисциентизма и иррационализма. Анализируются типичные приемы легитимации бессмыслицы и наукообразных текстов в гуманитарных науках: апелляция к теореме Геделя, квантовой механике, нечетким логикам, некорректное использование достижений синергетики, культурной антропологии, канцеляризация текстов, злоупотребление этимологической редукцией и лингвокультурологическим подходам.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, теории истины, гуманитарные науки, бессмыслица, иррационализм, постмодернизм, кризис науки, синергетика, квантовая механика, культурология

Философия науки и эпистемология XX века породила немалое количество весьма изысканных концепций, включая неклассические концепции истины (когерентную, конвенциональную, прагматическую и т.п.), адаптированные для объяснения специфических теоретико-познавательных парадоксов в рамках отдельных проблемных для классической рациональности предметных областей. Были предложены такие экзотические для восприятия классического ученого концепции как джастификационизм, фаллибилизм и методологический анархизм. Многочисленные формы эпистемического релятивизма и асимптотизма (точки зрения, что истина является пределом, к которому можно бесконечно приближаться) отодвинули на задний план классическую корреспондентную концепцию истины, дискредитировав ее как не отвечающую вызовам современной науки.

Следует иметь в виду, что владение релятивными эпистемическими концепциями требует достаточно высокого уровня метатеоретического мышления и легко может быть подвержено вульгаризации за пределами контекста соотношения теоретического и эмпирического знания в естественных науках. Существует множество подробнейших работ, посвященных тому, как эпистемический релятивизм был инспирирован изменением физической картины мира (теорией относительности, квантовой механикой, термодинамикой и космологией), открытиями в области логики и семантики (проблемой радикального перевода, теоремами Геделя и Тарского), достижениями этологии и зоопсихологии в области изучения нечеловеческих форм ментальности а также «прозрениями» антропологов о существовании рядом иных форм человеческого сознания у примитивных народов.

Все перечисленные открытия в той или иной степени стали предметом спекуляций со стороны сторонников религиозного мировоззрения, пара- и псевдонауки, в лучшем случае расширяющих значимость перечисленных открытий за пределы предметных областей, а в худшем, — интерпретирующих их совершенно ложным образом. Более того, эти спекулятивные аргументы релятивистского толка вместе с апелляцией к методологическому анархизму просочились в гуманитарное знание, вызвав инфляцию представлений о корреспондентной истине, порой вплоть до ее полного истощения в постмодернистских текстах. Этот процесс совпал с инфляцией количества гуманитарных

¹ *Статья впервые опубликована журнале Философия науки. — 2016. — №4. - С.76-95*

дисциплин и проникновением континентальной философии в США. Можно утверждать, что сформировался некий кодекс отсылок, претендующих на аргументы, выполняющий роль своеобразной индульгенции для псевдогуманитарных постмодернистских текстов. Назовем его «эпистемическим искупителем». Вот как описывает его содержание Ричард Докинз в своей статье «Разоблачение постмодернизма»:

«Сходным образом Сокал и Брикмон показывают, что Бруно Латур путает относительность с релятивизмом, разоблачают «науку постмодерна» Лиотара, а также широко распространенные и вполне предсказуемые неоправданные ссылки к теореме Геделя, квантовой теории и теории хаоса. Прославленный Жан Бодрийяр — один из немногих, кто находит теорию хаоса удобным инструментом, чтобы одурачить читателей. И вновь Сокал и Брикмон помогают нам, анализируя трюки» [Докинз, 2013. С. 83]. Также на огромное количество спекуляций относительно теоремы Геделя обращает внимание В.В. Целищев в своей книге «Алгоритмизация мышления. Геделевский аргумент» [Целищев, 2005].

Таким образом, в кодекс «эпистемического искупителя» входят некорректные отсылки к геделевским достижениям, апелляции к квантовой механике и синергетике, которую Докинз именуется «теорией хаоса». Между тем, в советской и российской философии именно синергетика или теория хаоса снискали особую популярность за пределами физического знания. Не будет преувеличением утверждать, что в умах многих, включая ученых-гуманитариев, именно синергетический концептуальный каркас вытеснил диалектику и фактически стал выполнять функцию философии.

Далее в своей работе Р. Докинз пишет, что данная триада дополняется т.н. концепцией культурной антропологии, согласно которой рациональная форма сознания, опирающаяся на научное знание, не обладает теоретико-познавательной исключительностью в установлении истины, поскольку существуют иные культурные формы сознания, в рамках которых истина обретается нерациональным путем. Последняя концепция имеет много сходного с методологическим анархизмом П. Фейрабенда, однако, явным образом превосходит ее по степени своей радикальности, поскольку Фейрабенд не отрицает значения логики, лежащей в основании объяснительных процедур, но только преувеличивает значение альтернативности дескрипций одного и того же класса эмпирических наблюдений.

Р. Докинз очень точно выделил кодекс «эпистемического искупителя». Буквальное следование ему мы можем обнаружить в статье А.Э. Вайно «Капитализация будущего»:

«Понимание сути жизни и понимание сути рынка взаимосвязаны, однако жизни свойственна неопределенность, которая носит глобальный характер, так как она присуща и неорганическим системам, и “миру идей”. Это подтверждают как принцип неопределенности Гейзенберга, так и теорема Геделя о неполноте. Можно выделить следующие аспекты глобальной неопределенности:

- 1. Принцип неопределенности В. Гейзенберга (1927) позволил перейти от образа мира как скопления объектов к образу мира как системе сложных комплексных взаимоотношений частей и единого целого. Соотношение неопределенности говорит о том, что невозможно точно описать систему на уровне частиц, атомов и молекул, т.е. невозможно одновременно точно измерить положение и импульс частицы.*
- 2. Теорема К. Геделя о неполноте (1931) показывает невозможность выбора лучшей системы, структуры конструктивного пространства для непротиворечивого описания поведения сложного объекта. Высшие правила в математике называют аксиомами, под ними подразумеваются самоочевидные принципы, из которых с помощью метода дедуктивных выводов извлекаются многочисленные неоспоримые и непроверяемые заключения. Но математика и математические законы в других науках не есть абсолютные истины. Несколько различных геометрий, в основе которых лежат разные аксиомы, одинаково хорошо согласуются с наблюдательными данными о структуре пространства. Геделем было доказано, что логические принципы, принятые разными школами в основаниях*

математики, не позволяют доказать ее непротиворечивость, т.е. математика как самая строгая наука утратила критерий истины. 3. Нет никаких способов доказать, т.е. обосновать логически, что столь привычный нам окружающий мир - знакомый нам зрительно, на слух и на осязание - существует реально, а не только в нашем воображении. Точно так же нет абсолютно никаких способов непосредственно сравнить наши ощущения, которые являются сутью нашего субъективного мировоззрения» [Вайно, 2012. С. 42].

Далее в статье упоминается синергетика как источник неопределенности в качестве обоснования некоей концепции «опережающего управления».

После ознакомления этого текста, возможно, имело смысл задать вопросы: 1) Что такое «структура конструктивного пространства»? 2) Что может означать фраза: «Но математика и математические законы в других науках не есть абсолютные истины»; 3) Действительно ли несколько различных геометрий одинаково хорошо согласуются с данными о структуре пространства? 4) Действительно ли Гедель доказал, что математика утратила критерий истины? 5) С чем нельзя непосредственно сравнить наши ощущения и почему именно ощущения являются сутью мировоззрения? Впрочем, пристальный анализ этого фрагмента вряд ли имеет смысл, поскольку он никак логически не связан с основным содержанием работы. Обратим внимание на то, что статья начинается именно с этого фрагмента. Судя по всему, он и выполняет функцию «эпистемического искупителя», — способа ритуальной легитимации права на последующие «глубокие» междисциплинарные высказывания:

«Главный узел сгущения (рис. 4), возникающий на перекрестке пространства-времени-жизни, - это образ, голографическая свертка воспринятой реальности, образ мира, образ добра и зла, образ власти, образ базовой бизнес-модели управления обеспечением жизни, и в том числе образ пространства и времени. Этот код мировосприятия транслирует доверие в пространстве и во времени. Пространство доверия снижает транзакционные издержки производства, продвижения и продажи продуктов и услуг» [Вайно, 2012. С. 46].

Впрочем, кодекс, ядро которого вскрыл Докинз, не исчерпывается четырьмя перечисленными элементами, поскольку он постоянно дополняется и модифицируется, подчиняясь динамике смены моды на темы и термины в общенаучном дискурсе. Анализ современных русскоязычных публикаций по гуманитарным наукам позволил выделить дополнительные приемы легитимации наукообразной бессмыслицы, которые можно включить в кодекс. Опишем данные приемы и продемонстрируем их наглядными примерами.

«Топологизация». В основе этого приема лежит натурализация абстрактных понятий в виде особых квазифизических и квазигеометрических «реальностей», «пространств», «топосов», «сфер» и «полей». С равным успехом это может быть «виртуальная реальность», «информационная реальность», «пространство культуры» или какое-нибудь «поле межкультурной коммуникации» как особые философские категории. Этот прием позволяет авторам использовать авторитет физики или математики, подобно тому, как это делают авторы, спекулирующие теоремой Геделя и квантовой механикой. Авторы тратят могучие усилия в виде написания целых диссертаций для обоснования полезности подобного умножения сущностей, а порой даже для «доказательств» их реального существования. Обычно физическая или топологическая аналогия, которую усмотрел автор между аутентичными понятиями и некими социальными структурами ограничивается пустой декларацией.

Приведем характерный пример: *«Говоря о разработанности методологической составляющей, необходимо заметить, что социальная топология, как методологический комплекс сама по себе является относительно новым явлением, хотя истоки ее восходят к математическим исследованиям К. Гаусса, Б. Римана и др. Основные положения*

социальной топологии сформулированы в исследованиях таких авторов как С. А. Азаренко (триада «телесность», «местность», «со-в-местность», концепт «топологема»), П. Бурдьё (теория «социального пространства», идея «социальных полей»), Дж. Ло (концепция примата «сети» отношений над «социальной» и «материальной» сущностями), М. Серр (констатация соотношения пространств в терминах «непрерывности», «локализованности», «включенности» и «невключенности»), Г.-Н. Фишер (пространство как «вектор социальных взаимодействий»), М. Фуко («дисциплинарные пространства», «техники тела») [Симонова, 2013. С.6]

Автор стремится создать впечатление, что социальная топология это полноценная прикладная математическая дисциплина, использующая инструменты топологии как раздела математики. Между тем общность социальной топологии и математической топологии ограничивается наличием общего слова «топология». Другой пример «топологизации»: «Динамика ментального пространства российской молодежи, обусловленная комплексом эндогенных и экзогенных факторов, привела к усложнению его структуры и качественным изменениям структурных компонентов, результатом чего явилось формирование феноменов его полиментальности и поляризованности, а также "механизмов воздействия ментального пространства молодежи на трансформацию национального менталитета» [Думнова, 2016. С.12]. В данном случае понятие ментального пространства носит явно избыточный характер по отношению к понятию менталитета.

Филологизация предмета. В наиболее понятной форме филологизация осуществляется в форме плохой этимологической редукции, т.е. рассуждения типа: физическое понятие «ХУ» содержит корень «Х», который на древнегреческом (старославянском, санскрите, etc.) означал эротическое Z. Далее следует вывод, что, поскольку подлинным содержанием ХУ является эротическое, следовательно, изучать его следует культурологи, а не физике. Примерно такой трюк можно было провести со словом «теория», который, как известно, означал «страстное и чувственное созерцание» [Рассел, 1993. С. 28]. Также распространена семиотическая редукция в виде «Все есть текст. X тоже есть текст. Необходимо вскрыть код текста X». Тот факт, что X является натуральным объектом, например, городом, или социальным феноменом, например, насилием, авторов не волнует: город и насилие тоже суть тексты, следовательно, здесь есть место для псевдофилологических спекуляций. Также филологизаторы обожают конструировать новые слова с помощью популярных в постмодернизме префиксов «пост-», «пре-». «суб-», «сверх-», «мега-», «мета-», «гипер-», «орто-», «квази-» и «пара-», разбивать слова на суффиксы и корни, соединяя их дефисом и писать понятия с большой буквы, вероятно, для увеличения эффекта суггестии.

Впрочем, в последнее время филологизация обычно проводится более вероломным образом без всяческих разумных обоснований, — физическое, философское или логическое понятие объявляется, например, объектом лингвокультурологического анализа и, далее автор, исходя из своего чувства языка и комбинаторных способностей сочленять слова, имитирует научные рассуждения.

Приведем пример из автореферата докторской диссертации Медовой А.А. «Онтология модальности». Первой задачей исследования автор ставит: «*Определить инвариантное значение понятий и терминов модальной группы, зафиксировать их синонимический ряд*» [Медова, 2016. С.9]. Столь странная задача по выявлению синонимов ставится ради обоснования следующей основной идеи: «*Основная идея диссертационного исследования заключается в обосновании модальности как уникального типа онтологии, фундирующей междисциплинарную научную парадигму*» [Медова, 2016. С.9]. Чувство академического такта требует подвергнуть анализу даже подобного рода казуистику. Насколько известно, у понятий вообще не может быть синонимов, потому что это не лингвистический объект, а форма мысли. Еще Р. Карнап в

«Преодолении метафизики логическим анализом языка» [Карнап, 1993] обращал внимание на трюки метафизиков, склонных к конструированию существительных из прилагательных, вследствие чего появлялись новые избыточные сущности. В данном случае это слово «модальность», которое само по себе объявляется «уникальным типом онтологии». На вопрос, почему оно фундирует междисциплинарную парадигму, вряд ли можно получить внятный ответ.

Казалось бы, обращение внимания к понятию модальности требует исследования экспликации онтологических предпосылок модальных логических систем, однако вместо этого автор занимается бессмысленной лингвистической комбинаторикой, приходя к следующему «результату» поиска синонимов ради «инвариантности»: *«Синонимами понятия модус являются понятия тропос, образ, ипостась, качественование. Модусы оформляются в различных измерениях, планах, уровнях, регистрах и порядках бытия и сознания, эти термины метонимическим образом так же употребляются в значении модуса»*. В результате длительных «рассуждений», автор приходит к следующему торжественно-вздорному суждению: *«Развивая логику модального тождества мы приходим к отношениям $A \neq A = B$, и, в итоге, $A \neq A = \infty = B \neq B$: модальная сущность не равна себе в бесконечности её инобытия, результатом чего является ее совпадение с любой другой сущностью, таким образом осуществляется генеральный принцип модальной организации, зафиксированный древнейшей онтологической формулой «Все во Всем»* [Медова, 2016. С. 21].

Приведем еще один, не менее выдающийся пример подобного трюкачества из автореферата диссертации Титовой М.П. «Философско-культурологическое осмысление лингвоантропологического содержания пространства»: *«Объект исследования – пространство как форма бытия в национальных лингвокультурах. Предмет исследования – лингвоментальные характеристики пространственных координат в концептосферах лингвокультур. В процессе исследования установлено, что наиболее эффективным способом изучения пространства является комплексное осмысление данной категории с учётом философского, философско-культурологического и лингвоантропологического подходов; проанализированы основные аспекты изучения категории пространства: философское, естественнонаучное и стандартно-бытовое понимание пространства»* [Титова, 2014, С.12]. Таким образом, М.П. Титова считает, что наиболее эффективными науками для изучения пространства являются культурология и лингвоантропология, а вовсе не физика, которая не упоминается вовсе.

«Мифологизация» предмета. В последнее время длительная мода на «мифологизацию», инспирированная работами К.Г. Юнга и К. Леви-Стросса идет на спад, однако на эту процедуру отказа от рациональных рассуждений, апелляцией к мифологическим структурам, укорененных в сознании стоит обратить внимание.

Рассуждения мифологизаторов обычно подчиняются следующей схеме: «Поскольку концептуальная структура X по своей природе мифологична (как и любая структура), то и мы обязаны мыслить не в рамках научных схем, а следовать логике мифа для глубинного понимания сути предмета».

Более двух десятилетий увлеченность многих филологов, культурологов и философов мифологической формой сознания носила подлинно умопомрачительный характер. Авторы тестов нередко столь очаровывались ей, забывая, что мифологическое сознание является ложной формой отражения реальности, скатываясь в воспевание мифа и мифологического как форм «подлинно-наивного», «непосредственного» и «несокрытого» постижения самой сути Бытия. В конечном счете такого рода публикации сыграли колоссальную роль в становлении антисциентизма, стирании грани между наукой и религией. Приведем характерный пример: *«Ремифологизация указывает на скрытую «мифологичность» науки, которая трудно поддается рефлексии, во многом архетипична*

и воспроизводится в виде компонентов, например, неявного личностного знания, что уменьшает разрыв между научной и массовой культурой и формирует благоприятную среду для синтеза мифа и науки в социуме» [Михалевская, 2015].

Культурологизация предмета. Подобно тому, как синергетический словарь существенно потеснил словарь философский, подобного же рода процесс имел место в отношении словаря культурологического. Становление и легитимация культурологи как самостоятельной академической дисциплины привело к тому, что рабочий словарь культурологи стал выполнять роль философского словаря для многих филологов и искусствоведов. Не будет преувеличением сказать, что культурология выполняет роль философии как обобщенного способа рассуждения, выходящего за предметные рамки филологических наук и искусствоведения. Характерным способом культурологизации предмета являются декларации, что «X является (социо)культурным феноменом»

Пример: *«Задачи исследования: - интерпретировать повседневную культуру в контексте построения модели бытия современного человека на основе анализа повседневности как культурно-исторической категории» [Назарова, 2015. С 11] или: «Вторых, исследование способов бытия культуры – видения и слышания – позволяет обнаружить внутреннюю топологию бытия культуры, выявить его основание, увидеть бытие культуры как единое сложноорганизованное архитектурное целое. Введено понятие «символическое тело культуры», благодаря которому стало возможным восстановление архитектурной целостности бытия культуры. Видение и слышание понимаются нами как особые человеческие способы бытия культуры. Речь не идет о психофизиологических актах. Человеческая природа такова, что даже такие способы обнаружения себя в мире, как видеть, слышать, осязать, не являются чисто биологическими, они сплетены с сознанием. Поэтому благодаря им мир и бытие могут открыться как символические. Способами наполнения бытия культуры экзистенциальными смыслами являются видение и слышание, берущие свое начало в ведении как способе бытия культуры» [Чалдышкина, 2015. С. 9].*

Автор этого текста М. Чалдышкина пишет о некоем таинственном «ведении» как способе бытия культуры. Пожалуй, более уместным в данном контексте представляется термин «одержимость».

Порой культурологизаторы даже набираются смелости вторгаться в сферу философской логики, как это делает, например Ю.А. Разинов в диссертации «Ложное как социокультурный феномен»: *«Понятие сферы ложного таким образом тематизирует ложное в социальном бытии индивида. Необходимо представить ложь как нечто самостоятельное по отношению к истине, а значит, преодолеть эпистемологическую привычку мыслить ложное из существа истины, «подгоняя» его под наличное определение концепта истины. Необходимо понять, чем является ложь до того, как приобретает функцию быть «противоположностью истины». Иными словами, нужно вступить на собственную территорию лжи и понять ее как серьезный вызов нашему бытию-в-правдивости» [Разинов, 2015. С. 6-7].*

Справедливости ради следует отметить, что культурологизация характерна скорее для работ не в области культурологи, в последние годы большинство диссертаций по культурологии носит вполне предметный осмысленный характер.

Канцеляризация текстов. В основе канцеляризации лежит следование авторов текстов модному канцелярско-бюрократическому словарю. В названии таких бесчисленных работы мы можем увидеть «инновации», «модернизации», «нанотехнологии», «компетенции», «духовно-нравственные ценности», «информационные безопасности» и т.п. Особенно удручающе это выглядит, когда им следуют авторы философских текстов, в результате чего такие тексты оказываются вторичными по отношению к низкореклексивному бюрократическому жаргону. Судя по анализу текстов проекта

«Диссернет», львиная доля недобросовестных диссертаций, уличенных в плагиате, принадлежит именно к этому типу. Это легко объяснимо тем, что в основном номинальными авторами таких работ являются сами чиновники и менеджеры от образования и науки, подбирающие темы поближе к областям своей деятельности. Особенно распространена такого рода спекуляция среди работ по педагогике и экономике. Для примера достаточно взглянуть на название автореферата диссертации Ю.И. Никитиной «Формирование, политехнических компетенций будущего врача в процессе изучения дисциплины «Физика, математика» [Никитина, 2015] на соискание степени кандидата педагогических наук.

Приведем еще один «высокопрофессиональный» пример использования кодекса «эпистемического испугателя», в котором автор рассматривает нанотехнологии как социокультурный феномен: *«Объект диссертационного исследования — нанотехнологии как социокультурный феномен. В работе также применяются исследовательские профаммы Г. Хакена, Э. Морена, работы М.Б. Менского, теория диссипативных структур И.Р. Пригожина, концепция вероятностно ориентированной философии В.В. Налимова, понятие эмерджентного интерфейса Х. Новотны». Нанотехнологии соответствуют постнеклассическому типу рациональности. Использование таких понятий, как синергетика и самоорганизация, комплексность и междисциплинарность, методологический плюрализм, преодоление разрыва между объектом и субъектом, помогает в определении философско-культурологической сущности нанотехнологии. Нанофилософия, которую, видимо, придется выработать в XXI веке, должна исследовать не только когнитивную, эпистемическую сторону процесса нанотехнологии, но и нанотехнологии как особую объективную реальность. И такой реальностью становятся обладающие онтологическим статусом нанотехнологии [Сунгатуллина, 2012, С.13].*

Мы наблюдаем выдающийся пример того, как некий технологический тренд, рекламируется средствами философского и культурологического словаря. В данном случае можно наблюдать не только семантическую, но синтаксическую бессмысленность, которая наглядно видна во фразе «нанотехнология как особая объективная реальность». Указанная попытка онтологизации нанотехнологий также является характерным приемом. Невежественные авторы готовы наделять особым онтологическим статусом вообще все что угодно: социальные сети, мемы, культуру автостопа, гибридные войны, мягкую силу, дополнительную реальность, когнитивистику и современные медиа. Стоит ли говорить, что понятие онтологии в таких работах размывается окончательно?

Синергетизация. Р. Докинз обращает внимание на отсылки к теории хаоса, однако в российских гуманитарных науках апелляция к синергетике имеет особую статью. Судя по всему, это обусловлено объективными вполне уважительными причинами. В поздние советские годы понятийный каркас синергетики имел определенные преимущества перед вырожденным словарем диалектического материализма; синергетические модели убедительно и наглядно демонстрировали процессы самоорганизации в природе, зарождения сложных структур из простых, в конечном счете, — возникновение жизни. Однако, следует понимать, что словарь синергетики не способен полноценно заменить диалектический философский словарь, скорее он является одним из способов его естественно-научной конкретизации. Популярность синергетики привела к ее проникновению в социальное знание, в результате чего многие его реципиенты оказались неспособны адекватно понять смысл моделей и стали использовать словарь произвольным образом. В результате мы можем наблюдать огромное число публикаций, в которых слова «кризис» и «революции» заменяется словом «бифуркация», слово «случайность» — «флуктуацией», повторяющиеся события и «циклы» — «аттракторами», «становление» — «эволюцией» неравновесных систем. Но это происходит в лучшем случае, поскольку

простая подстановка не разрушает смысл. Обратимся к примеру: «Выявлена в рамках социально-философского знания социально-синергетическая картина бытия жизненного мира взрослеющей личности как сложной развивающейся системы, в которой жизненный мир ребенка предстал в качестве диссипативной системы (стремящейся к восстановлению и сохранению равновесного состояния), активно осуществляющей биоэнергоинформационный обмен с социальной средой существования, характеризующейся сложностью, неустойчивостью, нелинейностью, когерентностью, сумевшей преодолеть процессы ослабления внутренней организованности за счет негэнтропии (как движения к упорядочиванию), и, как следствие, повысить свою сложность и уровень упорядоченности в условиях социализирующей среды)» [Пономарева, 2012. С.10]

В худшем случае мы наблюдаем дежурные апелляции к феноменам нелинейности, разрывности, турбулентности для обоснования теоретико-познавательной непрозрачности хаотических социальных процессов в «точке бифуркации», что является оправданием для снижения планки обоснованности утверждений о содержании общественных явлений и процессов.

Мультидисциплинаризация. Особенностью этого приема является заимствование терминов из различных научных областей с целью компиляции наукообразных предложений. В лучшем случае для подобных работ характерна эклектичность и синкретизм, в худшем, — содержательная бессмысленность. Для обоснования такого рода заимствования авторами утверждается следование методологии «интерпарадигмальности», приверженности концепции множественности онтологий и междисциплинарному подходу. Подобные работы часто содержат утверждения о несводимости классов познания, отсылки к концепции региональных онтологий Э.Гуссерля, апелляции к эмерджентизму как форме отрицания редукционизма и упоминания несоизмеримости естественнонаучного и гуманитарного (религиозного, мифологического) дискурсов. Идеальная статья по этой теме должна иметь название что то вроде: «Гиперпарадигмальные основания мультидисциплинарного дискурса». Обратимся к примеру, в котором мультидисциплинаризация сочетается с синергетизацией:

*«Генезис знания о концепте отмечен двумя главными тенденциями. Более ранний период характеризуется процессами дивергенции представлений о концепте в рамках **дисциплинарных** и мультидисциплинарных теорий. С установлением и упрочением интердисциплинарных связей проявилась обратная, конвергентная, тенденция как движение к интегрированию накопленных сведений о концептах. Современное состояние теории концепта характеризуется как переходное к подлинно интегрированной форме производства и упорядочения научного знания – трансдисциплинарности. Этому способствовал ряд предпосылок: философия эмерджентизма, общенаучные (постнеклассическая наука, лингвосинергетика, когнитивная нейронаука, динамический подход к когниции), частнонаучные (постструктуралистская парадигма языкознания, когнитивно-дискурсивная парадигма лингвокогнитологии). Лингвосинергетика представляет собой постнеклассическую трансдисциплинарную сетевую структуру науки, где лингвистическое знание, варьируемое в зависимости от выбранной научной перспективы, и иное релевантное знание объединяются на основе эволюционно-синергетических принципов» [Бронник, 2013. С.13].*

Апелляция к нечетким логикам. Некорректное обращение к нечетким логикам с одной стороны часто является способом оправдания собственной логической некорректности, с другой стороны, — приданию высокого научного статуса недостаточно строгим и даже откровенно псевдонаучным концепциям. Тот факт, что сами нечеткие логики являются строгими формальными системами, авторами обычно не осознается. Подобного рода отношение можно обнаружить в бытовом понимании статистики как нестрогой и «лживой» дисциплине. В данном случае, однако, повседневно понимаемая «нечеткость» трактуется как положительная «искупительная» характеристика. Пример: *«Используемые в культурологии системный и ситуационный подходы, система «мягкого мышления» Питера Чекланда и теория нечеткой логики Лютфи заде, дают возможность правильного анализа самых сложных проблем и правильного выбора путей их решения».* [Мамедов]

Заключение

Вышеприведенный анализ демонстрирует глубочайшее истощение классических представлений об объективной истине. Это вовсе не означает, что различные формы эпистемического релятивизма, в особенности когерентная и конвенциональная концепция истины не имеют ценности, несмотря на то, что они взяты на вооружение нечистоплотными и невежественными авторами. Неклассические концепции истины являются высочайшими достижениями философского мышления, однако, следует признать, что их область применения ограничена специфическими предметными областями, в которых эмпирическая подтверждаемость может носить крайне проблематичный характер. Наука как повседневная практика познания, включая науку гуманитарную, все-таки является редукционистской по своей сути, питаясь классическими корреспондентными представлениями об истине. Аргументом в пользу этой точки зрения является то состояние гуманитарного знания, в котором оно оказалась вследствие как намеренного, так и нерелексивного увлечения т.н. неклассическими формами рациональности, спекулятивными теоретико-познавательными концепциями и скрытыми формами антисциентизма и иррационализма. Подобное понимание сути науки мы можем обнаружить в высказывании знаменитого британского зоолога Томаса Хаксли: *«Наука есть не что иное, как обученный и дисциплинированный здравый смысл, от которого она отличается лишь тем же, чем ветеран может отличаться от новобранца, а ее методы отличаются от методов здравого смысла не более, чем искусство фехтования гвардейца от умения дикаря владеть своей дубиной».* [Томас Г. Хаксли, цит. по Докинз. 2015. С. 37]

Приложения.

В целях наглядной демонстрации кодекса «эпистемического искупителя» было написано несколько эталонных текстов, различающихся по степени своей бессмысленности. Приведем их в порядке возрастания бессмысленности с комментариями.

Текст 1. Классический феминистический постмодернистский текст, спекулирующий на особенностях полового поведения пауков, в котором на последних проецируются человеческие представления о борьбе полов.

Филогенетическая трансгрессивность арахноматриархальной доминантности как способ преодоления маскулинной некроэволюции.

Эндогенная динамика шизоанализа, применяемая к выявлению тоталитарных модусов логофашистского маскулинного дискурса вскрывает трансгрессию архаично-арахноидных форм матриарахальной сексуальной доминантности, символический смысл которой понимается через призму некротонального финала интерсексуальной коммуникации, — после спаривания феминный арахносубъект отчленяет управляющий нервный центр маскулинному объекту, которому так и не суждено стать субъектом. Это отчленение есть не что иное как символическая манифестация преобладания подлинно-феминного положительного бытия над отрицательным нейрологоцентричным маскулинным. Такое отчленение инсектоидной головы самца является таким филогенетически воспроизводимого устранения источника эмерджентности маскулинной некроэволюции. Оно есть не что иное, как проецированное на онтогенез торжество принципа женской телесности.

Текст 2. Текст, демонстрирующий приемы канцеляризации, культурологизации и синергетизации.

Трансформационная парадигма информационной безопасности в условиях транзитного общества.

Духовно-информационный вакуум транзитного постсоветского общества может быть преодолен только благодаря усилению субъектности через становление механизмов традиционных нравственно-духовных ценностей, укорененных в ментальной матрице софийной соборности русского народа. Решение этой задачи невозможно без исследования и актуализации всех онтологических, гносеологических и аксеологических аспектов информационной безопасности. Именно информационная безопасность в эпоху галопирующей экспансии глобализма и виртуальной реальности выходит на первый план в условиях инвективных экзогенных угроз ментальному топологическому пространству. Следует признать, что понятие информационной безопасности обладает особым онтологическим статусом, что означает необходимость ее осмысления в интерпарадигмальной междисциплинарной перспективе с учетом диссипативного неравновесного характера общественной нелинейной динамики. Точкой аксеологической конденсации интерпарадигмального дискурса, способной обеспечить универсальность и единство институциональных мер может стать культурная политика продвижения традиционных нравственно-культурных ценностей, укорененная в диахроническом топосе и многонациональном этосе российской ментальности

Текст 3. Деструктивный постмодернистский текст феноменологического характера, демонстрирующий некорректные отсылки на квантовую механику, теорему Геделя, филологизацию

Коллапс и возгонка. Трансгрессивный аутопозис диахронического разума.

Забота о рациональном дискурсе требует от нас прислушаться к смыслу теоремы Геделя о неполноте, согласно которой любая дескриптивная вербализация Наличного Бытия является отрицательно избыточной в том смысле, что существуют способы

данности, не схватываемые логоцентрическими номатическими процедурами. Эта фундаментальная фактичность усугубляется осознанием тотальности квантово-механической неопределенности, неизбежно проецируемой на концептуальные каркасы как эпистемической, так и нормативно-онтологической контекстуальной реальности. Это приводит нас к пониманию, что концепты трансцендентного схватывания наличности не могут претендовать на полноценное выражение Таковости инобытийного, хотя Бодрийяр и утверждает, что Таковость инобытийного в самой своей сокровенной сути и фундирована в Тождественном. Впрочем, как доказал Хайдеггер, даже Тождественное не исчерпывается таким схватыванием наличного в рамках методологической атрибуции феноменологических аспектов. Перечисленные аспекты эпистемического коллапса постнеклассической рациональности также проявляются в феноменах диссипативных разрывов нормативного (модального) и сущностного (дискриптивного), проистекающих вследствие уничтожения Тотальности в транзитном посттоталитарном обществе. Аннигиляция и редукция кумулятивных социальных драйверов приводит к увеличению антропосциентальной турбуленции, экспотенциальному росту турбокапиталистической нелинейности современной гиперсоциальности. Рост ксенофобии и отложенной маскулинной патриархальности является симптомом инокультурного отчуждения эндогенных форм истинности от вызовов технобиосоциального некропоззиса постполитического текста Культуры. Указанный коллапс может быть преодолен только рефлексивной возгонкой, однако такая возгонка может быть результативной только в том случае, если она опирается на парадоксальные сверхпарадигмальные основания в смысле региональной онтологизации Э. Гуссерля, в основе которой лежит принцип несводимости атрибутивного. Именно об этом гласит принцип дополнительности Бора, согласно которому только шизодинамика квантомеханического знания в своем титаническом усилии способна в проекции на бесконечность справиться с первичными колапсоденными онтологическими импетусами. Непременным методологическим требованием является удержание осознания разрыва на каждом такте рефлексивной возгонки, однако следует придерживаться принципа, что подобная трагическая бинарность является исключительно гносеологической дуальностью, неизбежно рассасываемой (dissolving) апофатическим отрицанием как манифестацией Подлинно Деструктивного в позитивной коннотации принципов методологического анархизма и культурноэпистемического релятивизма.

Текст 4. Крайне наукообразный абсолютно бессмысленный текст, перенасыщенный псевдонаучной терминологией.

Гипертрансгрессия ментальных экранов. Прологомены к мультимодальной алгебре социологии.

Гипертрансгрессивные туннельные эффекты макромодальной динамики квазиустойчивых ментальных экранов демонстрируют метаинтенциональные признаки нерелексивной устойчивости лакановского типа. Квазиисторическое сознание разрывности метаисторического дискурса в условиях постмортальной катастрофы тотальной медиакратии генерирует поркократические институты непрямого консьюмеристского насилия. Последнее является манифестацией гиперпространства паракультурной коммуникации турбокапиталистических отношений с вырожденной субъектностью подмножества Фуко, спроецированного на диссиметричные свертки полурешеток

Роджерса, которые, как известно, редуцируются без потери полноты знания к базовой алгебраической семантике мультимодальной логической социологии Зиновьева.

Литература

1. Бронник Л.В. когнитивно-синергетический подход к языку: философско-методологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 – философия науки и техники // URL:[http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=127048](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=127048) (дата обращения 30.08.2016)
2. Вайно А.Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. — С. 42-57.
3. Докинз Р. Разоблачение постмодернизма // Капеллан дьявола. Размышления о надежде, лжи, науке и любви. М.: Аст. — С. 78-89.
4. Думнова Э.М. Динамика ментального пространства российской молодежи в условиях транзитивного общества (социально-философский анализ) Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 – «Социальная философия» // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=89572001](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=89572001) (дата обращения 30.08.2016)
5. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ, сер. «Философия». № 6. 1993. — С. 11—26.
6. Мамедов Ф. О культурологическом подходе к государственному управлению. (*Опыт науки управления в западных странах*) // URL: anl.az/el_ru/kniqi/2014/2-815836.pdf
7. Медова А.А. Онтология модальности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=93509001](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=93509001) (дата обращения 30.08.2016)
8. Михалевская А.С. Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности: 09.00.11 — социальная философия // URL: <http://cheloveknauka.com/mif-i-nauka-problemy-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve#ixzz4iF3XIO1> (дата обращения 30.08.2016)
9. Назарова Н.В. Повседневная культура как инвариантная модель бытия современного человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологи по специальности 24.00.01 – теория и история культуры // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=205052](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=205052) (дата обращения 30.08.2016)
10. Никитина Ю.И. Формирование, политехнических компетенций будущего врача в процессе изучения дисциплины «Физика, математика». Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=202269](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=202269) (дата обращения 30.08.2016)
11. Симонова И.А. Субкультура как социально-топологическая проблема. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 - Социальная философия // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=125694](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=125694) (дата обращения 30.08.2016)
12. Сунгатулина Л.Р. Философско-культурологический анализ сущности нанотехнологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

- философских наук по специальности: 24.00.01 - теория и история культуры // URL: dlib.rsl.ru/loader/view/01005054456?get=pdf (дата обращения 30.08.2016)
13. Рассел Б. История западной философии. — М.: Миф, 1993. — С. 55-56.
 14. Пономарева С.А. Бытие жизненного мира ребенка: философско-синергетический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – «Социальная философия» // URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=89324](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=89324) (дата обращения 30.08.2016)
 15. Титова М.П. Философско-культурологическое осмысление лингвоантропологического содержания пространства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - философская антропология, философия культуры // URL: dlib.rsl.ru/loader/view/01005552945?get=pdf (дата обращения 30.08.2016)
 16. Чалдышкина М.В. Видение и слышание — способы бытия культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры // URL: http://www.omgpu.ru/sites/default/files/avtoreferat_chaldyshkinamv.pdf (дата обращения 30.08.2016)